Ф.А. Темботова,
член-корреспондент РАН, доктор
биологических наук, директор ИЭГТ

Кто борется, тому чужда усталость,
Кто трудится – воистину живет!
А. Кешоков

Мой отец человеком был уникальным и сложным. При этом под «сложным» я понимаю личность с выраженной гражданской жизненной позицией. Чаще всего в сложной натуре борются противоречивые качества, к примеру, в отношениях с людьми отец был одновременно жестким и мягким, с одной стороны он был очень требовательным в работе, с другой – всегда готов был помочь и в работе, и в быту. Но главное, что его отличало – это целеустремленность и преданность делу, делу жизни. Сейчас таких людей называют трудоголиками.

Семья отца по меркам 30-х годов 20 столетия относилась к категории зажиточных, имевших хозяйство, к которым отношение односельчан было неоднозначно. При этом мой дед Темботов Кази был грамотным и умным человеком. В 1937 г. он был репрессирован и практически сразу расстрелян, находясь в заключении. Моя бабушка Темботова Лина – неграмотная сельская женщина, осталась одна с пятью детьми на руках, один из которых был еще грудным, с которым она ходила на колхозное поле зарабатывать трудодни. У нас сохранилось постановление Псынадахского сельсовета, согласно которому проведена конфискация имущества семьи Темботова Кази после его ареста. Эта бумага меня потрясла. Перечень включал следующее имущество: корова, кровать, матрац (все в одном экземпляре), доски.

Вся остальная жизнь семьи продолжалась с клеймом «врага народа». Папа был четвертым в семье ребенком, он окончил среднюю школу с. Псынадаха Зольского района Кабардино-Балкарии. Так как выбор моей специальности и в дальнейшем сферы деятельности был предопределен примером жизни моего отца, я до сих пор восхищаюсь тем, как сельский молодой человек, который в школе имел не столь существенные достижения, захотел иметь высшее образование и стать ученым. Но он им стал.

Окончив школу, отец решил получить высшее образование и поступить в Кабардино-Балкарский педагогический институт, позже преобразованный в

Кабардино-Балкарский госуниверситет. Однако на этом пути не все было так гладко. Он с трудом смог забрать аттестат, как сыну врага народа ему чинили различные препятствия, чтобы он не смог получить высшее образование. Правдами и неправдами он забрал аттестат и поступил в пединститут с первого захода. Желание уехать и получить высшее образование у матери Асланби не вызвало возражения. Однако, как рассказывал отец, бабушка думала, что сын станет учителем и вернется в родное село. Мать свою он очень любил, уважал и был до конца ее жизни чутким и заботливым сыном. Возвращался он домой из всех командировок только через село, проведав свою мать.

Все имущество отца, с которым он приехал в Нальчик, помещалось в небольшом самодельном деревянном чемодане, который и мы с братом еще помним. Плохо зная русский язык, отец первую же сессию сдал на «отлично». Не только амбиции в хорошем смысле способствовали такому рвению в учебе. Отличники и в те времена получали повышенные стипендии, что позволяло хоть как-то существовать, т.к. мать была не в состоянии материально помогать сыну. Приезжая на занятия после выходных, он привозил из дома муку, из которой двоюродная сестра пекла ему хлеб на всю неделю. Материальные трудности и дальше, и после окончания университета, не смогли сбить отца с определенного пути. Уже имея семью, будучи ассистентом кафедры зоологии и завершая работу над кандидатской диссертацией, жил в Москве на зарплату ассистента (105 рублей), а жену, которая была еще студенткой (стипендия 27 рублей), и дочь поддерживали ее родители.

Отец говорил, что на его приобщение к науке повлияла преподаватель кафедры зоологии – Шурыгина, к сожалению, я не запомнила ее имени, отчества. После окончания Института отец сразу поступил в аспирантуру к профессору Московского пединститута Кузякину Александру Петровичу, под руководством которого была защищена кандидатская диссертация. В тот период, в 60-е годы 20 столетия, в Кабардино-Балкарском пединституте, где собственно была собрана почти вся интеллигенция республики, очень странным выглядело желание изучать млекопитающих. Даже я помню своеобразные насмешки над зоологами в виде «кому надо измерять мышам хвосты».

Его трудами был заложен коллекционный фонд по млекопитающим, первые сборы которого датировались 1955 г. Это были сборы по лесной мыши Баксанского

ущелья (Кабардино-Балкария), при этом он сам чистил вручную черепа. Только благодаря его инициативе и настойчивости, мы не стремились к этому, в 80-х годах его ученики начали собирать полные скелеты как мелких, так и крупных млекопитающих. Тогда нам казалось, что это лишний труд, а информативность минимальная. Время как всегда показало, кто был прав. Здесь хотелось подчеркнуть, что создание и поддержание коллекционного фонда было результатом голого энтузиазма, свойственного отцу, и, конечно, глубокого осознания его важности и необходимости для биологических исследований. Почему голого, да потому что в общей практике как раньше, так и сейчас сбор коллекционного материала не является необходимым. Если материал и собирался, то его обычно передавали в официально существующие (зарегистрированные) музеи страны (Зоомузей МГУ, Зоомузей ЗИНа).

Много сил и энергии потратил отец на объединение научных интересов и деятельности всех биологических кафедр, но его не понимали, или не хотели понимать. Это продолжалось и в период его работы и в ИЭГТ, когда он приглашал преподавателей химико-биологического факультета КБГУ (биологов, химиков, математиков) на работу в Институт, но из этого ничего не вышло. К науке эти люди относились по остаточному принципу, что не соответствовало требованиям академического учреждения. По этому поводу он сильно переживал. Коллектив Института создавался практически заново. На первых этапах становления Института отцу приходилось заниматься как финансово-экономической деятельностью, в которой он был не так силен, так и фактически писать все годовые отчеты. Это были тяжелые годы. К счастью, его понимали и поддерживали в Академии наук.

В научной деятельности отца было много знаменательных знакомств, которые повлияли на его формирование как ученого. Он имел в той или иной степени дружеские отношения с такими известными биологами, биогеографами и географами страны как В.Г. Гептнер, А.Н. Формозов, А.А. Насимович, Р.Л. Беме, Н.К. Верещагин, С.С. Шварц, З.И. Барбашова, Н.И. Ларина, О.Л. Россолимо, В.Е. Соколов, Ю.Г. Пузаченко, Н.Н. Воронцов, В.Н. Большаков, Л.Н. Добринский, И.П. Герасимов и многими другими. В аспирантуре учился вместе с Ю.И. Черновым и Н.Н. Дроздовым.

Из списка имен видно, что у него сложились хорошие рабочие отношения с представителями двух разных научных школ бывшего СССР – московской и уральской школами териологов.

При большом круге общения значительными в жизни для А.К. Темботова, на мой взгляд, были три личности: Александр Петрович Кузякин, Станислав Семенович Шварц и Владимир Евгеньевич Соколов.

Александр Петрович был руководителем кандидатской диссертации. Вероятнее всего интерес к рукокрылым и насекомоядным Кавказа у Асланби Казиевича вызвал именно А.П. Кузякин, который был ведущим специалистом по этим группам млекопитающих в СССР. Эти исследования вылились в последующем как в монографии, так и в диссертации учеников А.К. Темботова. Александр Петрович по духу своему был максималистом и борцом (мои впечатления), он не любил халтуры в науке и мог прямо об этом говорить. Наверное, эта особенность А.П. Кузякина каким-то образом отразилась на отце (тоже мое впечатление).

В Институте экологии растений и животных УрНЦ РАН, директором которого был Станислав Семенович Шварц, А.К. Темботов защищал докторскую диссертацию. Под влиянием идей С.С. Шварца в своей лаборатории горной экологии при КБГУ развивал морфофизиологические исследования, проводил работы по гибридизации близкородственных видов мелких млекопитающих, в частности полевок подрода Pitymys (=Terricola) на предмет изучения микроэволюции группы на Кавказе. В этих целях был создан виварий при лаборатории, а по результатам этих работ также были защищены несколько кандидатских диссертаций. К большому сожалению, Станислав Семенович рано ушел из жизни, но заложенные в те времена творческие и дружеские отношения между коллективами институтов двух горных территорий продолжают развиваться и в настоящее время.

С именем Владимира Евгеньевича в жизни отца связано очень многое. Это организация в 1990 г. биологической станции Института экологии и морфологии животных им. А.Н. Северцова при КБГУ, издание монографии «Позвоночные Кавказа. Млекопитающие» (1989, 1993), премия им. А.П. Карпинского по экологии в 1994 г., в том же году создание Института экологии горных территорий КБНЦ РАН. У Владимира Евгеньевича и отца было что-то общее, вероятнее всего, - это энергия, которой оба заражали всех окружающих.

Не менее дружеские отношения сложились и с коллегами всего Кавказа – Адыгеи, Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Азербайджана, Грузии, Армении. Где бы ни были сотрудники кафедры зоологии, а позже и общей биологии, и лаборатории горной экологии Кабардино-Балкарского госуниверситета, в экспедиции, в какой-либо части Кавказа, всегда находились друзья, коллеги, ученики, готовые помочь и в работе, и в бытовом отношении. В подтверждение этого можно вспомнить многие экспедиции, в которых и я была участницей. Это были незабываемые уроки жизни, такое создавалось ощущение, что год прошел даром, если ты не был хотя бы месяц в экспедиции. Только сейчас, особенно в настоящее время, когда страна и Кавказ, в частности, распались на отдельные государства, становится понятным, какую он брал на себя громадную ответственность за сотрудников, студентов (это были обычно группы до 14 человек), выезжая на месяц в экспедицию по Кавказу. В этой связи вспоминается экспедиция в июне 1981 г., когда мы попали в аварию. Водитель был новым человеком, экспедиционная машина с большим грузом и с прицепом, шел дождь. В районе п. Шелковская (Чечено-Ингушетия) при обгоне машина слетела в довольно большой кювет. Все, кто проезжали мимо, говорили, что нам чудом повезло, машина могла взорваться в любой момент. С нами были три студентки четвертого курса, две из которых пострадали, одну из них отвезли в грозненскую больницу, другую с ушибами отправили домой. При этом не было никакой паники, уже к вечеру одна группа, из четырех сотрудников и одной студентки, осталась и держала «оборону» в лагере, который разбили рядом с местом аварии, вторая из 6 сотрудников с экспедиционной машиной была доставлена в Нальчик для ремонта автотранспорта. Практически через неделю исправленная машина вернулась, и мы продолжили экспедицию.

Сейчас в Институте также организуются экспедиции, но современная политическая обстановка на Кавказе не позволяет такого свободного, как раньше, перемещения по всей его территории, чего очень не хватает.

Осознанно или неосознанно, не знаю, но отец постепенно научил меня всему, что умел делать. Первые уроки начались с освоения печатной машинки, за которую я села, как только научилась писать. Отец давал свои рукописные тексты на

перепечатку. В период учебы в школе меня приобщали к сбору материала, например, в экспедициях, в которых участвовала ежегодно, я помогала собирать ящериц для Эммы Адамовны Шебзуховой (аспирантки А.К. Темботова), когда она работала над диссертацией. Позже ловила сусликов по коридору химико-биологического факультета, сбегавших в период лабораторных исследований мамы (она работала тоже над диссертацией).

Следующим этапом моего развития, считал отец, нужно научиться препарировать млекопитающих, делать тушки и хранить коллекции. Мы с отцом на спор делали тушки на время в экспедиции. Тушку мелкого млекопитающего за десять минут. После этого началось описание и анализ полученных результатов, подготовка отчетов, чтение лекций и проведение семинарских занятий. Особенно трудно приходилось с лекциями. На меня папа переложил вначале проведение семинарских занятий по экологии на третьем курсе у биологов, а затем постепенно пришлось читать лекции, но для того чтобы их читать приходилось много работать с литературой. В тот период я всячески хотела прекратить преподавание, но меня просто заставляли. Сейчас я ему благодарна за эти лекции, и в особенности, что это были лекции по экологии.

В выборе моего научного направления было также не все просто. У папы были свои планы и на этот счет. Изначально он хотел, чтобы я занималась биогеографией, и мне с трудом пришлось отстаивать свои интересы, которые касались систематики млекопитающих Кавказа, объект исследования тоже пришлось «отбивать». Меня хотели приобщить к кариологическим исследованиям кустарниковых полевок, для чего сколотили большой малоподъемный ящик, куда посадили около 10 пар полевок и отправили в Свердловск. Отчетливо помню до сих пор, в город я прилетела в 11 часов ночи и до часу ночи добиралась до Института экологии растений и животных УрНЦ РАН, где должна была остановиться с ночевкой. На улице 8 Марта, где располагался институт, во-первых, было жутко темно, во-вторых, никого из горожан не было, только мы с полевками... Это был мой первый «вояж» в чужой большой город в одиночестве.

После этой командировки, в которой я познакомилась и работала с Э.А. Гилевой и А.В. Покровским, я занялась изучением землероек Кавказа, в том числе и их кариологией.

Помню мою защиту кандидатской диссертации. Папа сидел чуть ли не на последнем ряду длинного зала в Институте экологии растений и животных и очень нервничал, переживал, что я не то, или не так скажу. Абсолютно также проходила процедура защиты докторской в Петрозаводском университете и мои выборы на должность директора ИЭГТ в РАН. Папа был сильно напряжен. Кстати по той же причине (переживание), я не могла слушать выступления отца.

Он часто мне говорил, что я повторяю его жизнь в науке.

В целом отношения у нас не были гладкими, каждый отстаивал свою точку зрения, что касалось как научной работы, так и позиций в человеческих отношениях. Как мне сказала одна сотрудница – «Ты живешь под розовым колпаком», этот «розовый колпак» и до сих пор не полностью с меня слетел. Именно этот колпак лежал в основе наших расхождений во взглядах с отцом.

Я пришла к выводу, что трудно воспринимать родителя со стороны, т.е. не только как родного тебе человека, а как личность, особенно когда эта личность твой руководитель, и у вас расходятся взгляды на одни и те же события или поступки других людей. Думаю, нам обоим было трудно, но он знал, мне хочется так думать, что я всегда на его стороне, и в критической ситуации на меня можно положиться. А критических ситуаций было много. Не знаю, как он их выдерживал. Достаточно вспомнить, как один из «учеников» на заседании кафедры сказал, «что Асланби Казиевич построил свой авторитет на костях сотрудников кафедры». Много лет спустя, отец простил этого «ученика» и взял его в Институт, за что несколько позже этот «ученик» в свойственной ему манере отблагодарил учителя. Бог этому человеку и другим, таким как он, судья. Эти люди считали, что отец не давал им развернуться, проявить свой потенциал, но фактически ничего не создали после его вынужденного ухода из университета. Все расставлено на свои места.

Не менее неприятные и тяжелые моменты были после создания Института, о которых трудно вспоминать и сейчас. На него всегда пытались давить, а он всегда сопротивлялся.

Все, чего он добился в жизни, - это результат его каждодневного труда.

Отец не мог отдыхать в том обычном понимании, которое свойственно человеку. На отдыхе, на море или в горах, где он не мог работать физически, всегда или писал, или работал над статьями и диссертациями сотрудников. Мне при этом говорил, что

для эффективного отдыха необходимо менять сферу деятельности, и, в первую очередь, подразумевалось, что нужно ехать в село и работать на земле.

Смешнее всего то, что я тоже получаю глубокое удовлетворение, когда, находясь на море, могу и работать, например, над определителем, но все-таки отдыхать я стараюсь.

Я всегда боялась, что наступит момент, когда его не станет рядом. Но он все равно всегда рядом, я знаю, что он сказал бы, и как сказал бы.

Вся жизнь его была направлена на то, чтобы в Кабардино-Балкарии развивалась академическая биологическая наука, которая помогала бы сохранить среду жизни своего народа, например, лес, являющийся основой для сохранения гор Кавказа. Больше 40 лет этому была посвящена работа в Кабардино-Балкарском университете, с 1994 г. в Институте экологии горных территорий КБНЦ РАН. Какое счастье, что он успел создать Институт, в котором мы, в подавляющем большинстве, не просто работаем, мы живем в нем.